

**Стилистическая парадигма массовой коммуникации
как отражение коммерциализации системы СМИ**

Раиса Ивановна Мальцева

Кубанский государственный университет, Россия
350040, Краснодар, Ставропольская, 149
доктор филологических наук, профессор
E-mail: evamalts@mail.ru

Аннотация. Стилистика дискурсов массовой коммуникации характеризуется особой лингвистической категорией разговорности. Последняя придает речи коммуникаторов характер доверительности, фамильярности и обладает для коммуникантов большей привлекательностью. В статье рассматривается ряд типичных примеров с применением диффамационных апеллятивов и единиц с грубой экспрессией.

Ключевые слова: массовая коммуникация; стилистическая тональность; разговорность публицистического стиля.

Введение. Таблоидизация СМИ влечет за собой негативные последствия, и это не цензура и не давление со стороны властей, а цинизм и коммерческие интересы, заложенные в основе этого типа журналистского труда.

Материалы и методы. В статье приводятся рассуждения о состоянии культуры русской публицистической речи, расширении ее когнитивно-семиотических рамок и характере экспрессивных средств. Массовая коммуникация необратимо воздействует на речевой опыт говорящих, привносит новые модели общения, изменяет речевые стратегии социума. Как научный объект, в виду особой онтологической сложности, требует применения совокупных философских и научных методов, включает в анализ текстов семиотический, риторический, идеологический, психоаналитический и другие подходы.

Обсуждение. Инвективизация речевого акта и использование вулгаризмов в СМИ – проявление языковой и социальной агрессии. Л.В. Павлюк отмечает необходимость дифференцировать языковые и коммуникативные концепты как научные лингвистические сущности и концепты обыденного языкового сознания [1]. Непристойные слова как концепты обыденного языкового сознания, уместные в чрезвычайных ситуациях межперсонального общения, не уместны в официальном и публичном общении, потому что они ненормативны и не могут функционировать в литературной речи даже из стилистических соображений. Они оскорбительны и незаконны в соответствии с п. 6 ст. 1 «Русский язык как государственный язык РФ» Закона 2005 года «О государственном языке РФ», где указывается о недопустимости использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка [2], кроме того, любое неосторожное обращение со словом наносит огромный психоэнергетический вред всем коммуникантам [3].

Журналист желает понравиться и запомниться публике – и эмоционально- аксиологическая парадигма речевых средств, обличительная тональность его материалов усиливают читательский антагонизм и, например, чиновничий, что часто провоцирует конфликтность [4].

Семиотическое пространство русской речи громадно, многие сотни деминутивов, аугментативов, народно-поэтических слов и выражений разнообразят нашу речь, отражая национальные свойства русского характера и исторические особенности российской культуры [5].

Между тем материалы всех типов СМИ пестрят примерами только сниженной модальности, преимущественно грубыми и оскорбительными выражениями. К тому же известные публичные персоны тоже выбирают далеко не образцовые способы изъяснения, вставляя, к примеру: *врать, впрягаться, зашкаливать, мужики, отбукать, сдохнуть, фишка, выкачивать информацию, скирдовать по офшорам миллионы, расчистить политическую поляну* и др. Журналисты, к сожалению, им подражают.

Конечно, в любом словаре имеются в большом количестве и аффективы, и средства инвективизации, и разного рода обсценизмы, потому что наличие таких пластов лексики закономерно для системы языка и коммуникативно необходимо для говорящих. Другое дело, бравоирование обсценизмами в СМИ дискурсивно не оправдано и не всегда мотивировано. Не случайно в науке активно обсуждаются проблемы лингвоэкологии, снова и снова поднимаются вопросы о защите русского языка, воспитании «сильной языковой личности» диалогического типа, демократического типа [6–9].

Любой журналист осведомлен о коммуникативно-этических нормах общения, о неуместности и опасности употребления диффамационных единиц, но в действительности он намеренно использует

те грамматические и стилистические формы, которые уже соотносятся с иными категориями действительности – морально-этическими и даже правовыми [10].

Вот несколько характерных примеров, типичных для СМК. Приведенные фрагменты содержат формы интерпретации событий, которые можно обозначить как неумышленные или умышленные оскорбления.

Газета «МК.Ру» от 05.06.2013 г. публикует материал Натальи Малаховой «*Депутат Милонов не пустил бы Биберу в Москву*», в котором автор целенаправленно нарушает коммуникативные нормы, используя метафору и едкий кеннинг. Напомним: кеннинг относится к разновидностям перифразы, заменяющей собственное имя описательным оборотом [11].

... Поэтому не совсем ясно, чем же он впал в немилость депутата Милонова. Может быть, царедворцу с фобией пропаганды гомосексуализма не понравилось женоподобное лицо певца...

В газете «Известия» от 30 мая 2013 Виктор Топоров пишет в статье «*Пока не начался капремонт*»:

Или заспорите о скорбных вятских делах: а кого там, собственно, судят – главного всероссийского борца с коррупцией или, прямо наоборот, мелкого коррупционера? А что если подсудимый, как говорили у нас в первые годы реформ, и то и другое «в одном флаконе»? Но нет: один скажет, что главный борец с коррупцией у нас Путин, а другой – что дело «Кировлеса» высосано из пальца... Но почему бы доморощенному Лютеру не договориться с доморощенным Савонаролой хотя бы о терминах – ведь оба, казалось бы, выступают против папизма? Ан нет, не договорятся.

Здесь авторский дискурс, опираясь на фоновые знания читателей, характеризуется разговорным синтаксисом и фамильярной тональностью, содержит перифрастику неприличной оценки лица (*главный всероссийский борец с коррупцией, папизм, доморощенный Лютер, доморощенный Савонарола*).

Е.Е. Топильская, активно занимающаяся вопросами лингвистической экспертизы речевых действий коммуникаторов, многократно замечала, что «современный газетно-публицистический текст может спровоцировать конфликт в случае, если СМИ стали каналом распространения... сведений, имеющих неприличную форму выражения мнений» [12].

Приведенные выше примеры демонстрируют заведомо оскорбительный тон. По всей видимости, журналистам известно, что фамильярное обращение к политику или крупному чиновнику не является уголовно наказуемым [13], и в целях усиления коммуникативного эффекта они намеренно используют броские, задевающие самолюбие аллюзии, перифразы, прецедентные выражения и прочие изобразительно-выразительные средства речи.

Например, Максим Шевченко в заметке «*Досрочно, но своевременно*» (газета «Известия» от 05.06.2013 г.) мастерски оперирует какофемизмами:

А эпоха Лужкова вспоминается как какой-то на самом деле достаточно мрачный период господства каких-то жуков, гусениц и термитов, которые подгрызали и прожирали московскую жизнь и московское пространство.

Какофемизм также относится к тропам перифрастического ряда, но характеризуется особой грубостью и вульгарностью коннотаций.

В условиях массовой коммуникации для читателей стали привычными и частотными случаи замены нормативно-этикетных словосочетаний фамильярными или вульгарными дисфемами.

Языковая игра давно стала признаком газетных текстов [14]. Вот, что мы видим в рубрике «Культура» «МК.RU» от 8 апреля 2013 года: «*Разборка по-Большому: расправа в театре случилась из-за женщины*».

Здесь поиск экспрессии привел автора к использованию двусмысленности в скатологическом каламбуре заголовка, обыгрывании его в целях создания комического эффекта. Воочию видим пример антигуманного речевого поведения.

Языковая игра в массовой или личной коммуникации – это легализация процесса демократизации языка, который приводит к коммуникативному равенству адресанта и адресата речи [15]. Равенство коммуникантов проявляется в самой негативной форме – в обоюдном неуважении журналиста, позволяющего себе не стесняться в выражениях, будучи уверенным, что его дискурсии адресованы и подросткам, и женщинам, а не только легким на крепкое слово мужчинам, и читателей, которые его трэш-стилистику воспринимают как оскорбляющую достоинство личности [16].

К подобным образцам неуважения к читателю относятся, например, материалы, опубликованные в журнале «Русский репортер»: «*Дорога бескайфовая*» в № 11 (189) от 24 марта – 30 марта 2011 г. и «*Не мой дом, не моя крепость*» в № 21(299), 30 мая – 6 июня, – использованные нами в работе со студентами.

В двух обширных текстах, помимо скатологизмов и эпатирующих грубых экспрессивов, в большом количестве присутствуют арготизмы и вульгаризмы, которые мы не рискуем повторить, риторический ряд инвектив в адрес чиновников разного ранга и другие факты вербальной агрессии.

Е.И. Коряковцева в одной из своих работ 2008 года замечает: «Языковой экстремизм СМИ стимулирует рост речевой агрессии в публичной коммуникации и тем самым способствует формированию остроконфликтной социальной среды» [17].

А.А. Волков с полным основанием высказывается о языковой ситуации в нашем обществе: сегмент просторечной и субстандартной коммуникации неумеренно расширился, в то время как количество носителей кодифицированного литературного языка стремительно уменьшилось [18, 19]. А.П. Романенко, выражая согласие, добавляет: современное состояние языка характеризуется сформировавшимся на наших глазах новым стилистическим регистром публичной речи – гибридным просторечно-литературным стандартом [20].

Заключение. Все эти и другие дискурсивные особенности – доказательства возросшего влияния корпоративной медиаполитики, усиленной манипулятивности СМК. С другой стороны, снижение уровня культуры речи в разных речевых жанрах говорит о смещении ценностных ориентиров в социуме [21]. Как говорится, «инволюция языка осуществляется в направлении, прямо противоположном его эволюции, – от полноценных слов к языку междометий и индексикальных знаков» [22], публичная же коммуникация осуществляется в рамках многоуровневой антигуманной стилистики, потому что набрала силы тенденция неуважения социума к личности.

Примечания:

1. Павлюк Л.В. Лингвистическое знание в обыденном сознании // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 36-39.
2. Федеральный Закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».
3. Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 39-43.
4. Шаховский В.И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ? // Русистика. Киев. Вып. 7. 2007.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
6. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.
7. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84.
8. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации). Дис. ... д-ра пед. наук. Сочи, 2002.
9. Ворожбитова А.А. Филолог как профессиональная языковая личность в инновационном потенциале Федерального государственного стандарта третьего поколения (ФГОС-3): лингвориторико-синергетический подход // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2010. № 4. С. 144-149.
10. Топильская Е.Е. Заключение лингвистической экспертизы. Воронеж, 3 сентября 2012 года / Е.Е. Топильская / [Электронный ресурс]: <http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html> (дата обращения 05.06.13).
11. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов-н/Д., 1994.
12. Топильская Е.Е. Журналистский текст: в зоне конфликта / Е.Е. Топильская [Электронный ресурс]: <http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html> (дата обращения 04.05.13).
13. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: Конституционно-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность – 12.00.02 – Конституционное право; Муниципальное право. – М., 2008.
14. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе, М., 1971.
15. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры. Матер. Всерос. науч. конф. Выпуск 4. Ростов-на/Д., 1998.
16. Николаева А.В. Трэш-журналистика как новый стандарт публицистического текста // Средства массовой информации в современном мире: Петербургские чтения: тез. межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2009. С. 157.
17. Коряковцева Е.И. Язык современной российской прессы: вариваризмы и арготизмы как сигналы языковой агрессии // W: Wspaniala komunikacja jzykowa/ SLAVICA. Prace slawistyczne, tom 125. SOW, Warszawa, 2008, st. 95-105.
18. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001. С. 185-231.
19. Волков А.А. Риторика как научная дисциплина и учебный предмет // Секция XIII. Функциональная стилистика русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ, 2007. С. 368-369.

20. Романенко А.П. Современный языковой стандарт в аспекте истории литературного языка // Секция XIII. Функциональная стилистика русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ, 2007. С. 415.
21. Акуленко Н.Л. М. Роль культуры речи в современном российском обществе // Балканская русистика. Белград, 2008. С. 360.
22. Хазагеров Г.Г. Декларативная риторика как вызов культуре // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ, 2007. С. 416.

UDC 81

Stylistic Paradigm of Mass Communication as a Reflection of Mass Media System Commercialization

Raisa I. Maltseva

Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040
Doctor of Philology, Professor
E-mail: evamalts@mail.ru

Abstract. Mass communication discourse stylistics is characterized by a specific linguistic category of conversationality. The latter gives communicators' speech the tone of confidentiality, familiarity and is more attractive for the communicants. The article studies the number of typical examples with the use of defamatory appellatives and units with rough expression.

Keywords: mass communication; stylistic tonality; journalistic style conversationality.